

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОНОМАТОПОВ В РУССКОМ И КУМЫКСКОМ ЯЗЫКАХ

Алиева Самая Азеровна

к.филол.н., доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
samaya.alieva.00@mail.ru

ETYMOLOGICAL ASPECT OF ONOMATOPEES IN RUSSIAN AND KUMYK LANGUAGES

S. Alieva

Summary: The article is devoted to the study of Russian and Kumyk onomatopoeic words in etymological aspect. The unequal quantitative composition of onomatopoes in the languages of different systems depends on linguistic and extra linguistic reasons. The onomatopoeic nature of words in some cases is not realized by modern speakers of Russian and Kumyk languages. A large number of such words can be found among ornithonyms. This is due to the processes deiconization and denaturalization, when onomatopoes lose the connection between sound and meaning.

Keywords: denaturalization, motivation, composite, onomatop, phonosemantic analysis, etymon.

Аннотация: Статья посвящена исследованию русских и кумыкских ономатопоэтических слов в этимологическом аспекте. Неодинаковый количественный состав ономатопов в разносистемных языках зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов. Звукоподражательная природа слов в некоторых случаях не осознается современными носителями русского и кумыкского языков. Большое число таких слов можно обнаружить среди орнитонимов. Это происходит вследствие процессов деиконизации и денатурализации, когда ономатопы утрачивают связь между звуком и значением.

Ключевые слова: денатурализация, мотивированность, композит, ономапоп, фоносемантический анализ, этимон.

Ономапоэтические слова, являющиеся составной частью звукоизобразительной лексики и имеющие многовековую историю изучения, недостаточно исследованы в этимологическом плане. Этим же объясняется и тот факт, что в этимологических словарях роль звукоподражания значительно занижена. Подобное явление, как полагает С.В. Воронин, связано как с «маскировкой» звукоизобразительной природы слова вследствие его денатурализации, так и некритичным отношением к мнению Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака [1, с.63].

Цель настоящей статьи – сопоставить этимоны звукоподражательных слов в русском и кумыкском языках.

Материалом для исследования послужили данные Этимологических словарей русского языка, Этимологического словаря тюркских языков. Кроме того, привлекался и Кумыкско-русский словарь.

Ономапопы неодинаково представлены в количественном плане в различных языках. Достаточно много звукоподражательных слов, в частности в тюркских языках, в том числе и в кумыкском. Меньше встречается ономатопов в славянских языках. Несовпадающий состав и объем звукоподражательной лексики в различных языках, по мнению А.В. Красновой, зависит от ряда лингвистических и экстралингвистических факторов [2, с. 23]. Значение имеют и фонетические системы языков.

Исследователь тюркских языков К.Ш. Хусаинов полагает, что на количество звукоизобразительных слов оказывает влияние специфика грамматического строя [3, с. 163]. Следует отметить, что речь идет, прежде всего, о собственно звукоподражаниях (примарно мотивированных). Ономапоэтическая лексика включает, помимо подобных слов, слова морфологически оформленные, которые утратили примарную мотивированность вследствие денатурализации и деиконизации.

Звукоподражательная природа слова (в том числе его этимология) может быть выявлена с помощью предложенного С.В. Ворониным метода фоносемантического анализа [1, с. 68]. Обратимся к конкретным примерам.

Гусь – родственная утке крупная дикая и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей. Из праславянского *gъсь, восходящего к индоевропейской основе *ghans, звукоподражательной по происхождению (по характерному крику птицы) [4, с. 202]. Звукоподражательный характер слова отмечает и П.Я. Черных [5]. На вероятность звукоподражательного происхождения кумыкской лексики къаз «гусь» указывают и материалы словарной статьи Этимологического словаря тюркских языков, где а:з переводится как «гусь, лебедь, утка». Однако современными носителями русского и кумыкского языков ономапоэтический характер слов гусь и къаз не осознается.

Интерес представляет и орнитоним *қарға* – название птиц семейства вороновых. Многие тюркологи указывают на оноματοпозитическое происхождение данного слова, восходящего к подражательному этимону *қъакъ* [6]. Лексему *қарға* в значении «ворона» приводит в своем словаре М. Фасмер [7]. В русском языке большинство этимологов отмечают звукоподражательный характер слова *ворона*. Лексемы *ворона* и *қарға* относятся к межъязыковым биолингвистическим параллелизмам. Данные орнитонимы тяготеют к двум лексическим основам *вар-вор-вра* – как результат славянские названия *ворона* – *врана* и *кар-кра-кор*. Второй тип основы более характерен для романских и тюркских языков. Сравним французское *corneille* и кумыкское *қъаргъа*. Несмотря на то, что и в этимологическом словаре П.Я. Черных [5, с. 380] отмечено значение *ворона* у лексемы *қарға*, тем не менее, существительное *қарға* в основном используется при переносном употреблении в значении «злая, сварливая, безобразная старая женщина». Слово стилистически маркировано и имеет пометы прост., бран. Образность семантики составляет один из критериев при фоносемантическом анализе слов. Различия в орнитонимах «обусловлены несхожестью восприятия голосов птиц людьми, говорящими на разных языках» [8, с. 12].

В современном русском языке существует немало орнитонимов, восходящих к звукоподражательным этимонам. Среди них можно отметить лексему *кеклик*, которая обозначает каменную куропатку. Данное название широко представлено в тюркских языках в разных фонетических вариантах: *кэклик*, *киклик*. Многие тюркологи отмечают звукоподражательное происхождение этого слова, так как звуки, издаваемые кекликом, напоминают *как-калик*, *каклик*. В одном из тюркских языков (киргизском) имеется звукоподражание пению каменной куропатки *кекилик-кекилик*. Лексема *кеклик* может выступать и в качестве фитонима. *Кэкликкоту* «трава куропатки, чабрец [6, с. 62].

В кумыкском языке нами не обнаружено специального слова для обозначения данного вида куропатки. В языке существует композит *қъыртавуқъ* «куропатка, букв. дикая курица». Приведенная кумыкская лексема не содержит звукоподражательного корня, в отличие от русского орнитонима *куропатка*, в котором можно отметить сразу два звукоподражательных этимона *кур+пат*. Первая часть этого сложного в этимологическом отношении слова *кур-* представляет собой старое название петуха, послужившее основой и для других звукоподражательных орнитонимов: *кура*, *курица*. Вторая часть – *пат* – это вокатив, который используется для подзыва уток.

В некоторых случаях в этимологических словарях можно обнаружить небольшие расхождения в этимонах звукоподражательных слов. В этом отношении показа-

телен пример с орнитонимом *жаворонок*. Не отрицая в целом оноματοпозитическое происхождение данного слова, авторы этимологических словарей приводят различное объяснение.

Жаворонок – маленькая певчая птица отряда воробьиных. Слово имеет общеславянский звукоподражательный корень. Такой корень содержится в слове **skvorьсь*. В конечном итоге орнитоним *жаворонок* соотносится с **skevran(ъk)ъ*. Однако после очень ранних фонетических преобразований это слово сближается с лексемой *ворон*. Так считает П.Я. Черных [5, с. 290]. По мнению М. Фасмера, слово *жаворонок* состоит из двух частей, при этом вторая часть произошла от *ворон*, а первая содержит звукоподражание, связанное с *гавронь* «ворон». [7, с. 32]. Схожее объяснение приводят в своих словарях Г.П. Цыганенко [9] и А.К. Шапошников [4]. Лексема *жаворонок* образована суффиксальным способом от утраченного слова *жаворон*, в котором в свою очередь можно выделить два корня: *жай+ворон*. При этом оноματοпозитическую составляющую, как полагают авторы словарей, имеет только первая часть *жай*.

Интересно в этимологическом плане и слово *жук*, в котором ряд этимологов [7, 9] видит звукоподражательную природу. Лексема представляет собой суффиксальное производное от звукоподражания *жу-*. Это же звукоподражание послужило основой для образования оноματοпозитического глагола *жужжать* и звукоподражательного существительного *жужелица*. Однако не все лингвисты согласны с подобной точкой зрения. Так П.Я. Черных [5, с. 307] полагает, что ввиду того что большая часть жуков безгласна, этимон *жу-* в данном случае не является звукоподражательным. Иную трактовку приводит А.К. Шапошников, который считает, что слово *жук* в этимологическом отношении соотносимо со словом *говѣдо* и соответственно с домашними животными – козами и быками. Мы придерживаемся мнения тех лингвистов, кто отмечает у этимона *жу-* звукоподражательное происхождение.

В русском и кумыкском языках существует немало слов, которые восходят к звукоподражательным корням, однако вследствие денатурализации не осознаются современными носителями языка как имеющие звукоподражательную природу. Значительное количество таких слов можно обнаружить среди орнитонимов.

Клёст – небольшая лесная птица с перекрещивающимися концами клюва. Свое звукоподражательное название, по мнению ряда этимологов [4, 7], получила от устаревшего праславянского глагола **kleskac* «хлопать, бить в ладоши». Еще одним показательным в этом отношении орнитонимом является лексема **коростель** – это средних размеров птица имеет и другое название *дергач*. Данный орнитоним восходит к звукоподражанию

**korstěljь*; **kъrsteljь*. Подобные скрипучие звуки издает самец птицы. [5, с. 432].

В кумыкском языке русским наименованиям *коро-стель* и *дергач* соответствует один орнитоним «тартар», который имеет звукоподражательную природу и образован путем редупликации. Интересным является и то, что кумыкская лексема *тартар* может употребляться и в переносном значении «тараторка». В языке существует и пословица *Тартарны тили башына яв*. «Коростель навивает беду из-за своего языка». [10, с. 291].

Композитное образование представляет собой и другой кумыкский орнитоним *тонкътонккъуш* «дятел». Название птица получила вследствие звуков, которые дятел производит своим клювом по дереву. В русском языке слово *дятел* соотносят с глаголом *долбить*. Птицу так называли из-за ударов, которые она наносила по стволу дерева. В современном русском языке вследствие процессов денатурализации и деиконизации в орнитониме *дятел* сложно обнаружить звукоподражательную основу.

Несмотря на то что звукоподражательные слова в русском и кумыкском языках не имеют полного тождества вследствие различий в фонетических системах и грамматическом строе, тем не менее, они [ономатопы] относятся к универсальному пласту лексики. Этим объясняется в некоторой степени и «структурное сходство лексем с одинаковыми или практически одинаковыми лексическими значениями» [11, с. 46].

Исследование русских и кумыкских ономатопов в этимологическом отношении – вопрос перспективный и многоаспектный. В обоих языках существует немало слов, восходящих к звукоподражательным корням и не осознающихся ономатопэтическими современными носителями русского и кумыкского языков. Особенно велико количество таких лексем среди орнитонимов. Подобное явление объясняется тем, что в результате постепенных процессов денатурализации и деиконизации ономатопы утрачивают связь между звуком и значением (примарную мотивированность). Иконические знаки в ряде случаев становятся конвенциональными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С.В. Этимология и фоносемантика (на материале тюркских и некоторых других языков) // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С.62-70.
2. Краснова А.В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2018. – 186 с.
3. Хусаинов К.Ш. О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С.158-163.
4. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: В 2 т. Т.1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. Т.1. – 624 с.
6. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «к». Вып.1. Отв. ред. д.ф.н. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.2. (Е-Муж). Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
8. Силаева О.Л., Вараксин А.Н., Ильичев В.Д. Имитационные взаимоотношения между человеком и животными. Акустический анализ. – М.: РУДН, 1999. – 49 с.
9. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.
10. Кумыкско-русский словарь: Более 30000 слов. Сост. Б.Г. Бамматов, Н.Э. Гаджихмедов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 523 с.
11. Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд филол. наук. – СПб, 2015.Т.1. – 223 с.

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»